

Юрий Лантан

ПЕРИОД
ПОЛУРАСПАДА

The image features a dark, textured slope that rises from the bottom left towards the top right. Along the crest of this slope, several silhouettes of people are visible, appearing to walk or stand. The figures are dark against the lighter, textured background of the sky. The overall mood is somber and contemplative.

ПОТУСТОРОННИЕ
РАССКАЗЫ

Юрий Лантан

Период полураспада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69873607

SelfPub; 2024

Аннотация

На берегу реки в глухой тайге обнаружена выложенная из палок надпись с призывом о помощи... По бескрайним просторам тундры бродят полчища оживших мертвецов... Смертью от удущья погибают все те, кто становится на пути двух сирот... Что связывает эти – и некоторые другие – загадочные события? Все они – потусторонние истории, придуманные Юрием Лантаном, рассказы которого издавались в серии «Самая страшная книга» и культовом журнале Darker. В сборник «Период полураспада» вошли как уже полюбившиеся читателям рассказы («Стрекот», «Ночь перевертышей», «Опека» и другие), так и несколько ранее не публиковавшихся историй, включая продолжение рассказа «Вечная мерзлота», аудиоверсия которого насчитывает более 200 тысяч просмотров на YouTube.

Содержание

Стрекот	4
Вечная мерзлота	59
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юрий Лантан

Период полураспада

Стрекот

Перова просматривала данные с цифрового нивелира, когда в ее палатку ворвался Сергей Комарин и взволнованно выпалил:

– Нина Андреевна, вы не поверите, что засек коптер!

Перова глянула на коллегу: растрепанные волосы, заросшее щетиной мальчишеское лицо, лихорадочный блеск глаз – казалось, Комарин совсем не изменился за три года их знакомства. В первой же совместной экспедиции он поразил ее упорством и работоспособностью, и когда месяц назад встал вопрос о формировании геодезической партии в малоисследованные районы Саянской тайги, Перова без колебаний предложила кандидатуру молодого специалиста.

Третьим и последним участником их маленькой бригады был Константин Буров. Выскочив из палатки, Перова и Комарин обнаружили его под тентом, сооруженным на расчищенной полянке. Это место они в шутку называли «штаб-столовой»: здесь принимали пищу, обсуждали план работ и результаты полученных измерений, вечерами играли в карты.

Буров, спрятав руки в карманах полевой куртки, стоял у большого раскладного стола, на котором рядом с ноутбуком и тахеометрами растопырил винты их верный квадрокоптер. С помощью дрона отряд Перовой проводил разведку территории с воздуха – так было проще среди густой тайги найти место следующей стоянки. Комарин каждое утро запускал квадрокоптер, а после обеда изучал полученные снимки, скинув их на ноутбук.

Буров, нахмурившись, взглянул на подошедших коллег. На его широком обветренном лице топорщилась борода, и Перова не могла вспомнить, когда в последний раз видела его гладко выбритым. Она знала Бурова со времен учебы в Питере и недавно поймала себя на мысли, что за годы совместных экспедиций общалась с ним чаще, чем со своей родней.

– Что случилось? – спросила она, отгоняя мошек от лица.

Насупив брови, Буров кивнул на квадрокоптер и ноутбук, будто они были виновниками его плохого настроения.

– Ерунда какая-то, – буркнул он.

– Я просматривал снимки, сделанные сегодня утром! – затараторил Комарин, указывая пальцем на дисплей. – И среди лесов и полян обнаружил вот это.

Перова, склонившись к ноутбуку, всмотрелась в изображение на экране. Она увидела кусок буро-зеленой тайги и каменистый берег реки, запечатленные с высоты птичьего полета. На серых камнях у кромки воды чернела огромная над-

пись, выложенная, судя по всему, из палок или веток: «ПА-МАГНТЕ».

Холодок пробежал по спине Перовой. Ей показалось, что птицы, щебетавшие вокруг, замолкли, а воздух сгустился. И только мерное тарактение бензинового генератора разносилось по округе, словно напоминая об оторванности их лагеря от цивилизации.

Перова отпрянула от ноутбука и удивленно взглянула на коллег.

– Похоже на просьбу о помощи! – возбужденно выпалил Комарин.

Ему явно не терпелось услышать, что думают старшие товарищи, но Буров и Перова лишь обменялись тревожными взглядами.

– Надпись кривая, да к тому же безграмотная, – неуверенно протянул Буров. – Может, это случайное нагромождение палок? Ветер или река постарались.

Перова еще раз взглянула на экран: черные линии на светлых камнях отчетливо складывались в жуткое, ненормальное слово.

– Нет, на случайность не похоже, – твердо сказала она.

– Но кто мог выложить слово в этой глуши? – удивился Буров. – В такие дебри даже охотники не забредают.

Перова не знала, что ответить. Они находились в двух сотнях километров от ближайшего поселения – небольшого городка Вышегорска, затерянного в океане тайги. Казалось

странным и непонятным, кому в этой Богом забытой котловине, зажатой среди Саянских гор, могла потребоваться помощь. Перова перевела взгляд на Комарина и спросила:

– Что это за место?

– Квадрат А-двенадцать на нашей карте. Вниз по течению Урчинки на десять километров.

– Часов пять пути... – задумчиво протянула Перова. – Мы можем сходить к реке и выяснить, нужна ли кому-то помощь.

– А почему не вызвать вертолет? – Комарин вскинул светлые брови.

– Он не сядет: деревья слишком высокие, – с хмурым видом пояснил Буров. – К тому же я сомневаюсь, что МЧС захочет гонять вертушку из-за каких-то палок возле речки черт знает где.

– А если вызвать подкрепление из основного лагеря? – не унимался Комарин.

Перова задумалась. Геодезисты проводили разведку малоизученных территорий Урчинской котловины, по которой через несколько месяцев планировалась прокладка опорных конструкций для волоконно-оптического кабеля из Красноярска в Вышегорск. Бригада Перовой ушла на шестьдесят километров южнее главной базы геодезической экспедиции, а это значит, что их коллегам потребуется более суток, чтобы продраться по непролазной тайге до места с загадочной надписью.

– Они слишком далеко. – Перова покачала головой. – По-

ка доберутся, может быть поздно. Слово на берегу выложили недавно, иначе ветки разметало бы во время бури три дня назад. Человеку, который оставил надпись, требуется помощь как можно скорее.

Буров мрачно хмыкнул:

– К тому же мужики не укладываются в график работ. Если выяснится, что мы их выдернули из-за какой-то ерунды, то на помощь придется звать уже нам.

Перова закусила губу. Ей представилось, как в дикой враждебной тайге кто-то отчаянно взывает о помощи. Кто это был? Заблудившийся охотник или рыбак? Почему же он написал призыв с такими глупыми ошибками? Вопросы множились, и ответы на них можно было получить только одним способом – отправившись на разведку к реке.

Перова вспомнила, как однажды в детстве заблудилась в лесу рядом с деревней, где жила ее бабушка. Она провела ночь за поваленным деревом, дрожа от страха и прислушиваясь к малейшим шорохам. На утро ее обнаружили взрослые, но тот парализующий ужас, испытанный в дремучем чернолесье, запомнился ей на всю жизнь. Человек, написавший призыв о помощи на берегу реки, мог оказаться в куда более опасной для жизни ситуации, и Перова не смела допустить, чтобы с ним что-то случилось. Взглянув на часы, она сказала:

– Вот как поступим. Мы с Комариным отправимся на разведку к реке, осмотрим район. Костя, ты останешься здесь. – Перова перевела взгляд на Бузова. – Если там действитель-

но кому-то нужна помощь, мы свяжемся с тобой по рации, после чего ты вызовешь по спутниковой связи подкрепление из лагеря или вертолет из Вышегорского МЧС.

Буров недовольно скривился, но промолчал, а Комарин, коротко кивнув, направился к своей палатке собирать рюкзак. Понятливый и исполнительный – за это Перова его и ценила.

Захлопнув ноутбук, она посмотрела в сторону тайги: древний лес напирал на полянку с тремя одинокими палатками, словно угрожая раздавить маленький мир людей, стиснутый в оковах враждебных зарослей, буреломов и камней. Там, за этой стеной, кто-то ждал помощи.

* * *

Как и рассчитывала Перова, путь до места назначения занял пять часов. Чтобы сократить дорогу, они решили идти не напрямую через густые заросли, а выйти сначала к Урчинке (ее русло пролегалo в трех километрах восточнее лагеря) и уже оттуда по берегу спуститься к загадочной надписи.

Река тонкой нитью змеилась по узкой долине, втиснутой между гор, зубцы которых врезались в ясное синее небо. То и дело оступаясь на крупных камнях, Перова упрямо шла вперед, не обращая внимания на извечных спутников геодезических разведок – мошек и комаров. Она привыкла к ним за двадцать лет, проведенных в постоянных экспедициях по тайге и тундре. Комарин, нахмутив лоб, пыхтел рядом, периодически сверяясь с компасом.

– Думаю, мы уже близко. – Перова сбавила шаг и, заслонив ладонью глаза от клонившегося к закату солнца, всмотрелась вдаль – туда, где серебристая лента воды смыкалась с частоколом деревьев на излучине реки.

Комарин рассеяно кивнул. На его веснушчатом лице читались тоска и досада, и причиной их навряд ли были мысли о загадочной надписи на берегу: они покинули лагерь второпях, и Комарин не успел поговорить по спутниковому телефону с женой и сыном, которые ждали его в Питере. Он по ним сильно скучал.

Перова горько усмехнулась, подумав о том, что тоска по семье и дому давно ей чужда. С мужем она развелась пять лет назад, детей у них не было, родители умерли. Мокрая земля, холодные камни и кучка хмурых бородатых мужиков – вот кто стал ее семьей, и Перова с этим смирилась. Она просто шагала вдоль бурлящего потока реки в отрезанной от мира котловине среди Саянских гор – худенькая женщина в мешковатом полевом костюме, и теплый ветер трепал ее короткие волосы.

– Пришли! – взволнованно воскликнул Комарин.

Остановившись, он указывал рукой на каменистый участок берега, где черные ветви складывались в ненормальное слово – «ПАМАГНТЕ». Перова подошла ближе, не в силах оторвать взгляда от пугающей надписи. Вблизи она казалась еще больше, чем на снимке с квадрокоптера. Перова поморщилась: внутри у нее все похолодело, словно в предчувствии

неотвратимой беды. Она подняла одну из веток и поднесла ее к лицу, чтобы рассмотреть получше.

– Это валежник, недавно ободранный от мелких сучьев и листвы. Без всякий сомнений надпись – дело рук человека.

– Но почему она безграмотная? – удивился Комарин. – Как будто ребенок писал. И если кому-то требовалась помощь, то почему он не остался возле надписи?

Перова отбросила ветку и кивнула в сторону подлеска на границе с каменистым берегом. Вглубь зарослей убегал тонкий шрам тропинки. Она вела в полную опасностей тайгу, где кому-то отчаянно требовалась помощь.

– Надо связаться с Буровым, – сказала Перова.

Комарин отцепил от ремня рацию и протянул ее Перовой. Настроив частоту, она сказала в микрофон:

– Буров, это Перова. Как слышно? Прием!

– Слышу отлично. Что у вас?

– Мы вышли к надписи на берегу, но здесь никого нет. Вглубь леса ведет тропинка, и мы думаем сходить туда на разведку.

Перова кинула вопросительный взгляд на Комарина. В ответ он пожал плечами, словно полностью передавая инициативу в руки начальницы отряда.

– Это не слишком опасно? – донесся из рации голос Бурова, искаженный помехами. – Может, не стоит рисковать?

– Комарин предположил, что надпись мог выложить ребенок – это объяснило бы странные ошибки. – Перова подо-

шла к веткам на камнях, и от вида странного слова у нее похолодело в затылке. – Сам понимаешь, в таком случае медлить нельзя. Мы будем идти по тропе вглубь тайги до захода солнца. Если никого не найдем, вернемся к берегу. К полуночи будем в лагере.

– Принято. – В голосе Бурова слышались нотки недовольства, но спорить с начальником отряда он не рискнул. – Будьте осторожны.

Отключив рацию, Перова передала ее Комарину. Повесив ее на ремень, он с тоской и тревогой взглянул на густые заросли, в которых терялась тонкая тропинка. Перова разделяла его опасения, но другого выбора у них не было: надо выяснить, кто написал слово на берегу.

* * *

Переступая через коряги и оскальзываясь на мшистых кочках, они брели по тропе, уводившей их в буро-зеленую бездну тайги. Солнце садилось за кронами деревьев, и его желтые отсветы косыми лучами пробивали листву. Воздух стал свежее, прохладнее, и Перова поежилась от сырости, пропитавшей плотную ткань штанов и куртки. За спиной напряженно сопел Комарин. Он молчал с того момента, как они вступили в дремучее царство лиственниц и пихт: в реликтовом лесу человеческая речь казалась лишней.

Перова сверилась с компасом. Они двигались в северо-западном направлении, удаляясь от реки, и не было сомнений, что тропу среди вековых зарослей проложил человек: два-

жды ее пересекали ручьи с перекинутыми через них мостиками из старых бревен. Куда вела дорога – оставалось вопросом, и Перова надеялась, что ответ они обнаружат раньше, чем наступят сумерки.

На краю зрения в частоколе пихт что-то мелькнуло. Перова остановилась и всмотрелась в густые заросли. Среди деревьев высилась угловатая конструкция. Молча обменявшись взглядами с Комариным, Перова сошла с тропы и, продираясь сквозь кусты раkitника, направилась к пихтам.

– Это охотничий лабаз, – сказала Перова, когда они остановились у деревянного помоста, покоившегося на четырех бревнах чуть выше человеческого роста.

– Значит, здесь действительно кто-то живет, – задумчиво протянул Комарин. – Но это странно. Я думал, что Урчинская котловина – одна из самых глухих и изолированных в Саянской тайге.

– Так и есть. – Перова рассматривала бурые потеки крови на деревянных столбах: очевидно, недавно на помосте покоилась туша убитого животного. И кто-то ее забрал.

В груди закопошилось неприятное чувство – леденящая смесь тревоги и недоумения. Перова мотнула головой, отгоняя дурные мысли. Чего она так разволновалась? В эти места действительно мог забрести охотник, который попал в беду и теперь призывал на помощь.

Комарин отошел в сторону на несколько метров, напряженно всматриваясь в прорехи между деревьями.

– Что ты там ищешь? – спросила Перова.

– Да показалось, будто что-то мелькнуло, – неуверенно ответил геодезист.

Словно пытаясь удостовериться, что он ничего не пропустил, Комарин сделал несколько шагов вперед, вглядываясь в заросли пихт, как вдруг земля под ним с громким треском просела. Вскрикнув, он неловко взмахнул руками и провалился в яму.

Перова сорвалась с места и подбежала к вырытому в земле глубокому конусу, на дне которого в ворохе валежника и листьев корчился от боли Комарин.

– Ты как? – выдохнула Перова, упав на колени у края ямы.

– Жив. – Комарин, скривившись, с трудом выпрямился. – Кажется, ногу поранил.

Перова протянула руку, и геодезист, вцепившись в нее, с криком выбрался из ямы. Плюхнувшись на землю, он схватился за правую голень и застонал от боли. Перова присела рядом и, осторожно убрав ладонь Комарина, осмотрела ногу. В штанине чуть ниже колена зияла прореха, в которой сочилась кровью продолговатая рана с разорванными краями.

Перова скинула рюкзак, достала аптечку и, выудив оттуда бинт, обмотала им голень Комарина.

– Он остановит кровотечение, – сказала она как можно спокойнее, чтобы не выдать волнения.

Перова выпрямилась и, подойдя к краю дыры в земле, за-

глянула внутрь. На дне топорщился короткий заостренный кол, вымазанный кровью – на него и напоролся Комарин, угодив в ловчую яму. Судя по ране, штырь по касательной разорвал кожу на голени.

– Можешь идти? – спросила она у коллеги, когда тот, постанывая, неловко поднялся с земли.

Комарин сделал два шага, осторожно наступая на раненую ногу – и снова плюхнулся на землю.

– Боль адская, – с досадой процедил он сквозь сжатые зубы. – Похоже, там не только рана, но и перелом.

Перова, покопавшись в аптечке, протянула Комарину таблетку анальгина.

– Она поможет на некоторое время, – сказала она, наблюдая, как Комарин жадно запивает лекарство водой из фляжки. – Нам нужно вызвать Бурова. Одна я тебя не дотащу.

Комарин, кивнув, потянулся к радию, пристегнутой к ремню. Лицо его вдруг исказилось в удивлении, сменившимся испугом, и он глухо пробормотал:

– Антенна отломалась!

Комарин отцепил от ремня рацию и продемонстрировал Перовой огрызок пластика в том месте, где раньше торчала антенна. Надежда вызвать Бурова на помощь померкла, как и свет умиравшего за деревьями солнца: сумрак просачивался в тайгу незаметно, но быстро, словно затаившийся в засаде хищник.

Комарин растерянно смотрел на старшую коллегу, будто

ему было стыдно и неловко за новые проблемы, причиной которых стала его полученная по неосторожности травма. Перова собралась подбодрить его, но тут где-то сзади и сбоку треснула ветка. Она резко обернулась – и увидела немного поодаль, среди раскидистых ветвей пихт, человека, настороженно наблюдавшего за геодезистами.

Это был парень на вид чуть младше Комарина. Точный возраст Перова определить не могла: молоджавое лицо пряталось в жидкой черной бородке с усами и нечесаных длинных волосах. Выпученные маслянистые глаза натолкнулись на взгляд Перовой, и в их черной глубине она прочитала любопытство и страх. Тело незнакомца покрывали грязно-серые обноски – штаны в заплатках и широкая, подпоясанная ремнем рубаха. В опущенных руках он сжимал лук с пристроенной к нему стрелой, и его напряженная поза предупреждала о том, что он готов выстрелить при малейшей опасности. Но не это удивило Перову: на ногах паренька она заметила грязные, истоптанные берестяные лапти, будто он вышел к ним на прогалину напрямиком из позапрошлого века.

– Здравствуйте, – как можно приветливее проговорила Перова. – Мы геодезисты, и нам нужна помощь. Мой товарищ угодил в ловчую яму и сильно поранил ногу.

Глаза парня, и без того выпученные, расширились еще больше. На его чумазом лице испуг сменился изумлением, как будто он впервые за долгое время услышал человеческую речь. Все так же молча он взирал на Перову и Комарина, не

двигаясь с места.

– Как вас зовут? – осторожно спросила Перова.

Незнакомец помедлил, а затем тихо и невнятно промычал:

– Миша.

Перова осторожно шагнула вперед и протянула руку.

– Нина Перова. А это мой коллега – Сергей Комарин.

Миша удивленно вытаращился на простертую ладонь Перовой, словно не понимая, что от него требуется. В опущенных руках он по-прежнему держал лук с приготовленной стрелой, и у Перовой перехватило дыхание, когда она поняла, что ему потребуется меньше секунды, чтобы взметнуть оружие и выстрелить в цель.

Она убрала руку и тихо сказала:

– Миша, моему другу нужна помощь. Наша рация сломалась, и мы не можем связаться с лагерем.

– Сломалась? – В глазах паренька сверкнул интерес.

– Дружище, если ты нам не поможешь, то я рискую окочуриться в этой дыре, – напомнил о себе Комарин, молчавший все это время. – Нога на глазах распухает.

Миша вдруг улыбнулся – в жидких зарослях на лице мелькнул щербатый рот с желтыми зубами – и проямлил:

– Мы поможем.

* * *

Комарин, опираясь руками на Перову и Мишу, с перекошенным от боли лицом подволакивал раненую ногу, из-

за чего двигались они медленно и с постоянными передышками. Во время вынужденных остановок Перова несколько раз пыталась разговорить Мишу, чтобы выяснить, куда они направляются, но их немногословный спутник лишь бурчал что-то в ответ невнятное. Казалось, Миша едва ли мог связно строить предложения, и Перова задумалась, был ли он тем, кто звал на помощь? Она сомневалась: парень вел себя в тайге уверенно, как будто дикая природа давно стала для него родной и знакомой.

Спустя час, когда солнце покинуло небосвод, и сумрак растекся между деревьев, тропинка вывела их к перелеску, за которым открылась поляна, опоясанная покосившимся забором. Перова оторопела, когда увидела за ним бревенчатую избу с приземистыми пристройками в окружении остовов полуразрушенных домов. Каким-то неведомым образом в непролазной глуши Саянской тайги скрывалось поселение, и выглядело оно так, будто по нему прошелся сокрушительный ураган.

Миша, отпустив Комарина, прошел вперед и громко позвал:

– Я привел людей!

Перова переглянулась с Комариным. Тот тяжело дышал и с трудом держался на ногах. Лицо его побледнело, осунулось, а на лбу выступила испарина: бинт не смог остановить кровотечение из раны.

– Держись, помощь близко, – шепотом подбодрила она

Комарина, и в ответ он вымученно улыбнулся.

На крик Миши из избы показались мужчина и женщина. Замерев на покосившемся крыльце, они в изумлении уставились на Перову и Комарина. Как и у Миши, у незнакомцев были крупные, выпученные из орбит глаза, что делало их похожими на страдающих базедовой болезнью. Перова предположила, что обитатели избы приходились друг другу родственниками.

Мужчина казался старше всех – лет сорока на вид. Его узкое, задубевшее лицо выражало готовность в любой момент дать отпор чужакам, прояви они хоть малейший признак агрессии. Густая спутанная борода опускалась до середины широкой груди, а темные сальные волосы касались могучих плеч. Его одежда, сшитая из грубой ткани, напоминала Мишину: грязные залатанные штаны, безразмерная рубаха в пятнах грязи и стоптанные, почерневшие от влаги и земли берестяные лапти.

Женщина выглядела немного моложе. На бескровном лице, обрамленном смолой из длинных волос, чуть дрожали тонкие губы; маслянистые глаза жадно ловили малейшие движения Перовой и Комарина, будто их появление стало для нее не только сюрпризом, но и чем-то давно желанным. Худое тело скрывало серое обветшалое платье в пол, сшитое из мешковины.

– Нам нужна помощь, – выдохнула Перова, поддерживая едва стоявшего на ногах Комарина.

Мужчина и женщина, коротко переглянувшись, спустились с крыльца и помогли Перовой дотащить Комарина до избы. В сенях они уложили геодезиста на скрипучий топчан, застеленный ветхим тряпьем. Помещение тонуло в полумраке – сумеречный свет со двора, лившийся из распахнутой двери, едва справлялся со тьмой. В нос бил затхлый запах старья с примесью чего-то кислого. Перова поморщилась: кто эти люди, и как они оказались в поселении, которого нет на картах?

Размышлять об этом не было времени. Перова скинула с плеч рюкзак и достала аптечку. Включила фонарик и, зажав его во рту, провела быструю ревизию запасов. Бинта хватит еще на две-три перевязки, а вот с анальгином дела обстояли хуже: в упаковке осталось четыре таблетки. Никто ведь не ожидал, что их вылазка к реке может обернуться серьезной травмой.

Перова размотала напитанный кровью бинт, и, разорвав штанину, освободила доступ к ране. В холодном свете фонарика выглядела она скверно: длинная, сочащаяся словно кусок сырого мяса, с разодранными краями – похоже, кол, пройдя по касательной, задел не только кожу, но и мышцы. Голень в области раны распухла, покраснела и, казалось, согнулась под небольшим углом внутрь. Комарин, распластавшись на топчане, держался стойко, хотя по его напряженному, побелевшему лицу со стиснутыми челюстями было ясно, насколько сильна боль.

– Потерпи, Сережа, – ласково сказала Перова, вытащив из аптечки баночку с йодом.

Комарин тихо стонал, когда она обрабатывала рану антисептиком. Закончив с этим, Перова перевязала голень бинтом и обернулась. Миша и его родственники, сгрудившись у дверей, молча наблюдали за ее действиями.

Скрипнула дверь, ведущая внутрь избы, и в сени проскользнула девочка лет двенадцати – худенькая, с распущенными темными волосами, одетая в простое серое платье из мешковины. Как и у взрослых обитателей дома, у нее были черные большие глаза, придававшие ее личику умильное выражение. Девочка, не сводя изумленно-испуганного взгляда с Перовой и Комарина, подошла к женщине и боязливо спряталась за ее юбкой.

Похоже, настало время объяснить ситуацию. Перова выпрямилась и, стараясь смотреть в основном на старшего мужчину, заговорила:

– Меня зовут Нина Перова, а это мой коллега Сергей Комарин. Мы геодезисты. – Она решила обойтись без лишних жестов, помня о странной реакции Миши на вытянутую для рукопожатия ладонь. – Сергей попал в ловчую яму и сильно повредил ногу. У него рваная рана и, скорее всего, перелом или трещина голени. Наша рация сломалась, поэтому мы не можем связаться с лагерем. У вас есть какие-нибудь средства связи?

Она с надеждой посмотрела на странную компанию. Стар-

ший мужчина, переглянувшись с женщиной, ответил сухим надтреснутым голосом:

– Мы живем вдаль от мира. Не общаемся. Рации нет.

В отличие от Миши, говорил он более внятно, но со странными паузами, будто каждое слово давалось ему с трудом.

– Как вас зовут? – Перова отчаянно пыталась наладить контакт с отшельниками.

– Сивцовы. Петр и Ульяна. – Мужчина указал на себя и женщину, а затем перевел ладонь на девочку. – Зоя.

Мишу он не представил – очевидно, справедливо решив, что они уже познакомились в лесу. Петр не пояснил их родственные связи, поэтому Перовой оставалось только догадываться, кем они приходятся друг другу. Судя по возрасту, скорее всего – братьями и сестрами.

– Очень приятно. – Перова вымученно улыбнулась, совершенно не понимая, как вести себя с чужаковатым семейством. – Мы думали, что эти места необитаемы. На карте не было никаких поселений.

– Старая заимка. – Петр буравил взглядом Нину. – Здесь староверы раньше жили.

– А теперь живете вы? – уточнила Перова.

Петр коротко кивнул:

– Мы ушли из мира.

– И как давно вы здесь живете?

– Давно.

Перова обвела взглядом сени, словно ища подсказки у

погруженного в полумрак помещения. Как еще разговорить Сивцовых? На стене она заметила выцветшую фотокарточку в рамке. Со старого снимка смотрела бледная женщина с темными волосами и глазами навывкате, в которых читались печаль и скрытая обреченность. Она была похожа на Сивцовых и, вероятно, приходилась им родственницей.

– И как же вы справляетесь? – спросила Перова после паузы. – Тяжело ведь жить в полном отрыве от мира.

– Справляемся. – Петр напрягся, заметив, как Перова разглядывает фотопортрет на стене. – Ходим на охоту. Ловим рыбу.

Он хотел сказать что-то еще, но его вдруг перебила Ульяна:

– Нам помогает матушка родимая! – неразборчиво промычала она, будто рот ее забился кашей.

Взгляд Ульяны непроизвольно скользнул по фотографии на стене, и Перова догадалась, что женщина, запечатленная на снимке, была той самой матушкой.

– Она живет с вами?

Петр, Ульяна и Миша переглянулись – и промолчали. На их лицах промелькнуло неясное беспокойство, словно вопрос Перовой оказался слишком болезненным, и отвечать на него они не хотели. Так и не дождавшись другой реакции, она сменила тему:

– Мы отправились в эту часть котловины из-за сигнала о помощи. На берегу реки мы обнаружили слово «помогите»,

выложенное из веток. Оно было написано с ошибками, из-за чего мы решили, что в беду попал ребенок.

Перова пристально посмотрела на Петра, а затем перевела многозначительный взгляд на Зою. Девочка, как и прежде, пряталась за юбкой Ульяны, изредка с любопытством поглядывая на чужаков. Перова заметила, как нервно дернулось худое лицо Петра: безусловно, он понял ее намек. Мужчина метнул острый взгляд на Ульяну. Та опустила голову и сжала плечи, словно чувствуя себя виноватой. Наконец Петр ответил, холодно взирая на Перову:

– Зоя не умеет писать. У нас все хорошо. Помощь не нужна.

Он обвел рукой родственников, будто в подтверждение своих слов демонстрируя их благополучие. Ульяна стояла с поникшей головой, Зоя выглядывала из-за ее юбки. Миша, хитро улыбнувшись щербатым ртом, едва слышно промямлил:

– Матушка родимая нас защищает.

Перова вздохнула: разговор с отшельниками не клеился, и она не знала, что делать дальше. Оставить Комарина здесь, а самой вернуться в лагерь к Бурову и вызвать оттуда помощь?

Она глянула на Комарина, который все это время молча наблюдал за ее беседой с Сивцовыми. Его осунувшееся лицо, казавшееся мертвенно-серым в сумрачном свете, исказилось от боли. В потемневших глазах коллеги и друга Перова прочитала тихую мольбу не бросать его одного в этом логове

подозрительных отшельников.

– Миша ходит за помощью в ваш лагерь, а вы можете остаться здесь – ухаживать за раненым, – вдруг сказал Петр, словно почувствовав замешательство геодезистов. Это была самая длинная фраза, прозвучавшая из его уст за все время беседы.

– Но как Миша найдет дорогу? – спросила Перова.

– Пройдет по вашим следам. Лагерь расположен вверх по реке?

Перова кивнула, и Петр, мотнув головой в сторону двери, дал безмолвный приказ Мише – отправляйся в путь.

– Он пойдет на ночь глядя? – удивилась Перова, наблюдая, как Миша, поправив лук за спиной, послушно вышел из дома в сгустившийся вечерний сумрак. С улицы тянуло прохладным воздухом с едва ощутимым душком подгнившего мяса.

– Он хорошо знает лес, – сухо пояснил Петр. – Чем быстрее он приведет помощь, тем лучше для вас.

Он кивнул на Комарина, распластавшегося на топчане. Грудь его часто вздымалась, лоб блестел от испарины. Перовой не хотелось этого признавать, но отшельник был прав: оставить Комарина она не могла, и его спасение зависело от того, как быстро Миша доберется до Бурова.

– Переночуете в сарае. – В голосе Петра слышались властные нотки. – Лето теплое, не замерзните.

Перова переглянулась с Комариным. Беспокойство и со-

мнение на его лице были столь же отчетливыми, как и капли пота на лбу. Перова сглотнула вязкий ком в горле: им предстояло провести ночь в затерянной посреди глухой тайги заимке в компании одичалых отшельников.

* * *

Петр оставил геодезистов в покосившейся пристройке рядом с избой.

– Нужник за домом, – бросил он перед тем, как уйти.

Не попрощавшись, Петр закрыл за собой скрипучую дощатую дверь. Комарин с мучительным стоном осел на земляной пол, вытянув раненую ногу. Когда шаги за стеной стихли, Перова включила фонарик и огляделась. Они находились в узком помещении, сколоченном из досок. Окон не было, и казалось, будто тьма подкрадывалась со всех сторон, угрожая проглотить робкий луч фонарика. У дальней стены громоздились два массивных сундука. Уложив Комарина на один из них, она заметила сваленный в углу хлам: старые веники в паутине, кочергу, сломанные доски с облупившейся краской, мешки с тряпьем, от которых несло плесенью. Перова выудила из груды барахла обломок тонкой доски и примотала его бинтом к ноге Комарина.

– Как думаешь, Миша правда пошел за помощью? – стиснув зубы от боли, спросил Комарин, когда Перова закончила накладывать шину.

– Не знаю, – тихо ответила она, протягивая коллеге две таблетки анальгина и флягу с водой. – Подождем до завтра.

Посмотрим, как будет развиваться ситуация. В любом случае одного я тебя не брошу.

Перова ободряюще улыбнулась Комарину. Запив лекарство, он откинулся на спину и закрыл глаза. За стеной, из глубины дома раздавались приглушенные голоса Петра и Ульяны – похоже, они о чем-то спорили, но разобрать и без того невнятную речь не представлялось возможным. Перова устало завалилась на сундук и даже не заметила, как провалилась в черный сон.

* * *

Ее разбудил приглушенный звук со стороны дома. Перова приподнялась, поеживаясь от ночной прохлады. Она вгляделась в едкий мрак, но не смогла ничего разглядеть. На соседнем сундуке, тихо постанывая от боли, спал Комарин.

За стеной хлопнула дверь – кто-то вышел из дома. Семейство Сивцовых казалось Перовой странным и пугающим, и, поразмыслив немного, она решила, что нет смысла торчать в сарае, пока снаружи происходит что-то непонятное и потенциально опасное для них с Комариным.

Стараясь не шуметь, Перова спустилась с сундука и подошла к двери. Медленно приоткрыла ее и, высунув голову в образовавшуюся щель, выглянула наружу, разглядывая территорию заимки. В свете луны остовы полуразрушенных изб казались почерневшими от древности руинами, навеки застывшими в серебристой дымке.

Двор был пуст, и невнятное бормотание Сивцовых разда-

валось теперь откуда-то сзади, из-за дома. Собравшись с духом, Перова выскользнула из пристройки. Она обогнула избу и, спрятавшись за дровницей, осторожно вытянула голову.

Перед ней открылось широкое пространство позади дома – это была заросшая высокой травой поляна, на краю которой скособочился приземистый домишко. Возле него замерли Петр, Ульяна и Зоя – Перова без труда различила их силуэты в холодном сиянии луны. Отшельники держались за руки, воздев головы к звездному небу. Петр что-то исступленно бубнил, и до Перовой доносились обрывки странных, пугающих фраз:

– ...Матушка родимая, нас защити... Силы дай со стрекотом справиться... Мише родному путь покажи... Упаси нас от стрекота, как спасала все годы...

Ульяна и Зоя, не отрывая глаз от сиявшего ртутным светом неба, повторяли за Петром, и речь их – невнятная, лихорадочная, фанатичная – напоминала молитву безумцев. Перова почувствовала, как напряглись ее мышцы – согнувшись, она вцепилась одной рукой в край дровницы, не в силах отвести взгляд от странного действия на поляне.

Закончив невменяемое бормотание, Сивцовы разомкнули руки, а затем друг за другом – первым пошел Петр, потом Ульяна и Зоя – скрылись в покосившемся доме на краю заимки. Перова шумно вздохнула. Она так долго простояла, замерев дыхание, что от холодного воздуха, наполнившего легкие, закружилась голова.

Увиденное не укладывалось в сознании. Кому молились Сивцовы? От кого просили их защитить? Кто живет во втором доме? Мысли толкались, опережая одна другую, и Перовой не терпелось вернуться к Комарину, чтобы обо всем ему рассказать. Она опасалась подойти поближе к дому, чтобы подслушать или подсмотреть происходящее внутри, и была права: спустя мгновение Сивцовы выбрались на поляну. Понутив головы, они направились к своей избе, и Перова спешно покинула место засады.

Она влетела в сарай к сопящему во сне Комарину и, закрыв дверь, прислушалась сквозь шум дыхания и грохот сердца в груди. Со стороны избы доносились приглушенные голоса Сивцовых: отшельники возвращались к себе домой.

* * *

Перова так и не смогла уснуть до самого утра, напряженно прислушиваясь к малейшим шорохам за дверью. В руке она сжимала кочергу, вытащенную из груди хлама в углу, – на тот случай, если Сивцовы вдруг ворвутся в пристройку.

Когда проснулся Комарин, Перова включила фонарик и осмотрела его ногу. Выглядела она скверно: голень еще больше распухла, кожа вокруг раны приобрела пунцовый оттенок и казалась горячей на ощупь.

– Дело дрянь? – скривился от боли Комарин, когда Перова обрабатывала рану йодом.

– Возможно, это еще не самое плохое, – тихо ответила она, перематывая ногу свежим бинтом.

Перова рассказала Комарину о ночном происшествии. Он слушал, не перебивая – лишь в бледном утреннем свете, лившемся сквозь щели в досках, испуганно блестели его глаза. Когда Перова закончила, Комарин сдавленно проговорил:

– Нам нужно убраться отсюда.

– В таком состоянии ты не пройдешь и шагу, – потеряв лоб, устало проговорила Перова. – У тебя лихорадка, и нужно дожидаться, когда спадет воспаление.

– Думаете, Миша не приведет Бурова?

– Надеюсь, что приведет, но после увиденного ночью у меня большие сомнения в адекватности Сивцовых.

– Наверное, у них поехала крыша из-за долгой изоляции от мира. – Комарин попытался сесть на сундуке, но тут же замер, скорчившись от боли. – Петр сказал, что в этой заимке раньше жили старoverы. Что, если Сивцовы переняли их обряды?

Перова покачала головой:

– Я мало что знаю о старoverах, но ночные молитвы Сивцовых скорее напоминали пародию на обряд. Все было как-то слишком вычурно и... немного по-детски, что ли? Они молились матушке родимой, просили у нее помощи.

– Может, это их мать? Судя по возрасту Сивцовых, они могут приходиться друг другу братьями и сестрами, – рассуждал Комарин. – Петр – самый старший. Ульяна лет на пять его моложе. Затем идет Миша – ему около тридцати. И самая мелкая – Зоя.

Перова задумчиво кивнула, размышляя вслух:

– Возможно, мать Сивцовых находится во втором доме, и по какой-то причине ей требуется помощь – слово на берегу могла написать она. Либо же кто-то другой. В любом случае, прежде чем мы отсюда уйдем, нужно выяснить, кто скрывается в доме на краю заимки. Если Миша не приведет сюда Бурова...

Закончить мысль Перова не успела: со двора донеслись звуки – скрип двери, топот ног и приглушенные голоса.

– Они проснулись, – прошептал Комарин.

Перова схватила кочергу, не сводя глаз с двери. Вскоре из глубины дома послышалось гроыхание и лязганье кастрюль вперемешку с голосами Ульяны и Зои – должно быть, они возились со стряпней. Спустя мгновение со двора раздался мерный стук топора – похоже, Петр колот дрова. Судя по всему, Сивцовы разбрелись по своим обычным утренним делам, даже не справившись о состоянии гостей.

В животе заурчало, и Перова вспомнила, что они не ели со вчерашнего дня.

– Завтрак в номер ждать не стоит, – усмехнулась она, выудив из рюкзака банку с тушенкой и пачку печенья.

– Я бы все равно к их еде не притронулся, – пробурчал Комарин. – Отравят еще.

Перова протянула коллеге открытую банку тушенки и ложку – сарай наполнился мясным ароматом, от которого в животе заурчало еще сильнее. Наблюдая, как Комарин втал-

кивает в себя склизкие комки, Перова твердо решила: пока Сивцовы заняты делами, она выяснит, кто скрывается во втором доме.

* * *

Перова вышла во двор, вдыхая свежий утренний воздух. Как и вчера вечером, к нему примешивался тошнотворный душок, и теперь Перова увидела, что служило его источником: по двору на жердях висели тонкие полосы сырого мяса. Вчера вечером и ночью она их попросту не заметила. Вероятно, Сивцовы вялили мясо впрок – чем-то же они питались все эти годы.

В сером утреннем свете Перова рассмотрела ухоженные огородные грядки и разрушенные остовы домов, окружавших жилище Сивцовых. Рядом с ними громоздились почерневшие от времени разрубленные бревна, и Перова предположила, что отшельники разбирали ветхие дома староверов на дрова, а сами обитали в избе или же во втором доме на краю поляны – это были единственные целые постройки во всем поселении.

Перова постояла еще немного у входа в сарай, не решаясь двинуться дальше. Из избы Сивцовых доносился приглушенный лязг посуды и взволнованные голоса Ульяны и Зои – они явно возились на кухне. Стук топора раздавался с той стороны дома, где располагалась дровница, и Перова предположила, что если она обогнет избу с противоположной стены, то сможет неприметно проскользнуть на поляну, а отту-

да рукой подать до второго дома. Оставалось надеяться, что Петр настолько увлечен рубкой дров, что не заметит ее вылазки.

Обогнув избу, Перова оказалась на просторной поляне. Именно здесь ночью Сивцовы проводили свой дикий обряд, и Перова, подбираясь ближе к домику на краю заимки, заметила возле него круг стоптанной травы с черной подпалиной посередине – пепелище от костра. Рядом находился обрубок толстого бревна со следами ударов от топора – колода, на которой Сивцовы что-то рубили. Деревянный срез темнел багрово-бурым, и Перова содрогнулась, когда поняла, что это была засохшая кровь.

Вблизи дом оказался древней, сложенной из потемневших бревен халупой. Казалось, малейшее дуновение ветерка могло ее разрушить, и было удивительно, как она продержалась столько лет.

Рассохшуюся дверь закрывала палка, протетая в ржавые петли. Перова поднялась на крыльцо и, повозившись с засовом, открыла скрипучую дверь.

В лицо пахло затхлым воздухом с примесью гнили, и Перова скривилась от вони. Закрыв дверь, она вступила в сени. В помещении царил полумрак – с ним не справился утренний свет, пробивавшийся сквозь единственное окошко. Перова включила фонарик и направилась вглубь дома, куда из сеней вела массивная дверь. Когда она со скрипом открылась, у Перовой подкосились ноги.

В тусклом свете, лившемся из грязных окон, на лавке возле печи восседала фигура в темном платье. В первые секунды Перовой показалось, что это живой человек, но, всмотревшись, она поняла, что фигура не движется, и ее веки, провалившиеся в пустые глазницы, плотно закрыты. Лицо, напоминавшее неотесанный камень, будто целиком состояло из выступов черепа, обтянутых буровой кожей. Голову покрывали черные волосы, аккуратно убранные в пучок на затылке. Сохшиеся, потемневшие руки покоились на острых коленях. Платье из грубой ткани заканчивалось у тонких, желтоватых щиколоток, походивших на обглоданные кости. На дощатом полу у ног мумии лежали отрубленные головы – словно подношения к статуе жестокой богини. Сердце Перовой лихорадочно колотилось, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать увиденное.

Шесть мужских голов. Как и тело женщины, они были частично мумифицированы: кожа сохлась, потемнела, лоснилась тусклым блеском на бугристых черепах с растрепанными волосами. Веки запали в провалы глазниц. Сомкнутые челюсти скалились сквозь бороды и усы, придавая гримасам зловещее выражение.

Перова шумно сглотнула, не в силах дышать: легкие будто сжались от потрясения. Она отвела взгляд от жуткой картины, пытаясь собраться с мыслями. Осмотрелась: напротив мумии стояли три лавки, у окна – массивный стол, у стены за печкой – старинный сервант, где вместо посуды виднелись

корешки книг. В воздухе повис тяжелый запах гнили, пыли и дубленой кожи.

Увиденное больше всего напоминало мавзолей или часовню, где предметом поклонения служила жуткая мумия с жертвенными подношениями в виде отрубленных голов. Перова не сомневалась, что видит перед собой «матушку родимую» – мать Сивцовых. Но кому принадлежали мужские головы? И каким образом отшельникам удалось их мумифицировать? Наверяд ли они обладали необходимыми знаниями и оборудованием. Перова вспомнила, как однажды читала о естественной мумификации – обычно она случалась за несколько месяцев в сухих, хорошо проветриваемых помещениях. Летом в доме наверняка было жарко, а вентиляция, скорее всего, осуществлялась через щели между старых бревен.

Осталось выяснить, что за книги лежали в серванте, и Перова, стараясь не смотреть на мумию, быстро подошла к нему, распахнула скрипучую дверцу и пробежалась взглядом по корешкам. К ее удивлению, это оказались научные труды различных авторов по астрофизике и радиоастрономии – неожиданный выбор чтения для отшельников, живущих вдали от мира. Одна из монографий, озаглавленная как «Радиосигналы из космоса. Опыт работы Новосибирского астрофизического центра», принадлежала перу Анны Сивцовой. Перова с изумлением поняла, что женщина, мумия которой сидела на лавке в двух метрах от нее, была ученой из Новоси-

бирска.

Среди книг Перова заметила записную книжку с потрепанной обложкой. Раскрыв ее, она пролиставала замусоленные страницы. Глаза выхватывали странные фразы, написанные беглым почерком:

«...радиосигнал, зафиксированный мною в секторе между созвездиями Рыб и Овна, представляет собой шум, напоминающий тихий стрекот...»

«...он не отпускает меня и не дает покоя. Стрекот преследует постоянно: день и ночь, каждую минуту. Буравит мозг. Иногда мне кажется, что он разговаривает со мной...»

«...у меня больше нет сомнений, что он разумен. Стрекот знает все обо мне, а я – о нем...»

«...его начали слышать Петя и Ульяна. Я больше не могу спать: стрекот все время в моей голове. Он угрожает мне. Если я расскажу о нем, он убьет детей...»

«...он знает, что я знаю о нем все. Все, что он хочет. Надо решаться, другого выхода нет: мы покинем Новосибирск как можно скорее. Найдём место, где стрекот нас не достанет...»

Стрекот... Именно его упоминали в своей ночной молитве Петр, Ульяна и Зоя. Перова пролиставала блокнот дальше. Она была уверена, что держит в руках дневник Анны Сивцовой – «матушки родимой», мумии которой поклонялись ее дети. Как следовало из записей, датированных тысяча де-

вятьсот девяностым годом, Анна Сивцова, сотрудница Новосибирского астрофизического центра, зафиксировала странный радиосигнал, исходящий из далеких глубин космоса. Стрекот, как описала его женщина, вмешивался в ее мысли и запрещал о себе рассказывать. Но Сивцова, не в силах терпеть его в голове, намеревалась рассказать о сигнале коллегам. И тогда стрекот начал ей угрожать: его услышали муж и дети Анны...

Перова читала дальше, погружаясь в ужас, захвативший семью Сивцовых. Записи, поначалу упорядоченные, к концу блокнота напоминали безудержный поток сознания обезумевшего человека: почерк стал неразборчивым, на полях появились математические формулы и странные рисунки со схематичным изображением созвездий.

Перова с трудом вчитывалась в хаотичные записи, как вдруг на ее плечо легла холодная рука. Резко обернувшись, она увидела перед собою Ульяну. Бледное, скорее даже серого оттенка лицо женщины исказилось от страха, а ее выпученные глаза, казалось, стали еще больше от сквозившего в них отчаяния. Перова удивилась, как бесшумно Сивцова проникла в дом.

– Нельзя! – сдавленно выпалила Ульяна. – Уходите!

Потом она выхватила из рук Перовой дневник и, положив его в сервант, захлопнула дверцу. На ее нервном лице читалось желание в чем-то признаться, но страх женщины был настолько силен, что она в отчаянии закусила губу и отве-

ла взгляд. Перова осторожно дотронулась ладонью до руки Сивцовой – ее била мелкая дрожь, – и мягко сказала:

– Ульяна, послушай, мы пришли сюда, чтобы помочь. Мы не причиним вам вреда. Кому-то из вас требуется помощь.

Губы Ульяны затряслись, и по щеке скользнула слеза. Неожиданная догадка поразила Перову:

– Ведь это ты написала послание на берегу, да? – она заглянула в глаза Ульяны, но та пугливо отвела взгляд. – Расскажи мне обо всем. Не бойся.

* * *

Они расположились на лавке напротив мумии Анны Сивцовой. Перовой было не по себе при одном только взгляде на высохший труп с отрубленными головами у ног, но Ульяна, теребя в руках платок, смотрела на мертвую мать с тихим умиротворением на лице.

– Мне было семь лет, когда все случилось, – начала рассказ Ульяна, и Перова удивилась, насколько связной, пусть и отрывистой, оказалась ее речь, будто плотина страха и сомнений, что мешала ей говорить, наконец-то прорвалась, и слова, копившиеся годами, хлынули мощным потоком. – Мы жили в большом городе. Матушка родимая, папа, я, Петр. Еще была Вера – старшая сестра. Обычная семья. Я плохо помню те времена. Училась в школе. А потом пришел стрелок.

– Его услышала ваша мама? – уточнила Перова.

Ульяна, глядя на мумию, едва заметно кивнула и тихо

продолжила:

– Стрекот напал на матушку. Он преследовал ее, не давал покоя. Она разговаривала с ним, ругалась. – Слезы блеснули на глазах Ульяны, и она, опустив голову, промокнула их грязным платком. – А потом его начали слышать мы. Первым от стрекота умер папа. Я плохо его помню. Он был добрым, работал на заводе. Его смерть подкосила матушку родимую. Она носила маленького Мишу. Мы бежали из города. Стрекот преследовал нас. Мы переезжали с места на место. Но стрекот шел по пятам. Он вызывал болезни: головные боли, рвоту, тошноту, бессонницу. Вскоре он убил Веру, старшую сестру. Стрекот уничтожил ее, как и папу.

Ульяна замолчала, тихо всхлипнув. Перова, накрыв рукою ее ледяную ладонь, мягко спросила:

– Как они погибли?

– Страшно. – Ульяна подняла потемневшие глаза, и Перова содрогнулась от плескавшегося в них ужаса. – Мне снится, как они умерли.

– Как вы очутились здесь? – спросила Перова, когда стало понятно, что Ульяне больно вспоминать о смерти родственников.

– После смерти папы и Веры мы переезжали несколько раз. Разные деревни и села. Но стрекот везде находил нас. Однажды матушка родимая узнала про заброшенную заимку в тайге. Здесь мы были в безопасности – стрекот не мог до нас добраться. Матушка родила Мишу. А потом появились

люди, и стрекот пришел вместе с ними.

– Что за люди? – спросила Перова, хотя ответ уже знала: взгляд ее невольно упал на отрубленные головы мужчин у ног мумии.

– У них были рации, – словно не услышав вопроса, продолжила Ульяна. – Стрекот перемещался с их помощью.

– С помощью раций? – удивилась Перова.

Ульяна кивнула:

– Матушка родимая раскрыла тайну стрекота. Он пришел с неба и поселился в приборах. Рации, телефоны, радио, телевизоры, провода – вот где он обитает. Все, что излучает волны, служит ему домом. И чем ближе приборы, тем опаснее стрекот.

Перова удивилась: прожив большую часть жизни в отрыве от цивилизации, Ульяна прекрасно помнила предметы обихода современного человека. Должно быть, события детских лет настолько потрясли отшельницу, что она по-прежнему могла без труда назвать вещи, которые в последний раз видела в семилетнем возрасте. Ее слова напоминали бред сумасшедшей, и Перова невольно поежилась, когда поняла масштаб безумия, охватившего семью отшельников. Вероятно, Анна Сивцова страдала серьезным психическим заболеванием, и ее дети, выросшие в изоляции от общества, принимали бредни матери за чистую монету. У них не было другой информации об устройстве мира.

Вопросы роились в голове, и Перова не знала, с какого на-

чать. Кем были мужчины, головы которых лежали у ног мумии? Как они связаны со смертью Анны Сивцовой? Почему ее дети оставили труп матери в доме и теперь ему поклонялись? Чего боялась Ульяна, когда писала слово «помогите» на берегу?

Перова собиралась продолжить разговор, но ее оборвал крик со двора:

– Ульяна, ты где? – донесся громкий голос Петра.

Отшельница мгновенно встрепелась, услышав брата: мышцы на ее лице свело судорогой, а глаза испуганно забегали по сторонам и, наконец, остановились на Перовой.

– Вам нужно уходить! – взволнованным шепотом выпалила она. – Петр и Миша скоро будут здесь!

– Но Комарин слишком слаб, чтобы идти... – попыталась возразить Перова, однако Ульяна резко перебила ее.

– Забудьте о нем! Он труп! – с лихорадочным блеском в глазах отрезала отшельница, и на ее тонких губах блеснули капли слюны. – Вам нужно уходить с Зоей!

– С Зоей? – изумилась Перова, и в следующий миг чудовищная догадка поразила ее. – Зоя – ваша дочь?

Ульяна стыдливо опустила взгляд, и Перова поняла, что попала точно в цель.

– Кто ее отец? – она приблизилась к отшельнице, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно мягче.

Со двора раздался окрик Петра – он снова звал Ульяну, и та испуганно дернулась, обернувшись в сторону звука. Пе-

рова шумно выдохнула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнотворный комок. Сомнений не оставалось: Петр, родной брат Ульяны, являлся отцом маленькой Зои.

– Во снах мне было видение от матушки родимой, – с жарким шепотом заговорила Ульяна, увидев потрясение на лице Перовой. – Она сказала, что стрекот все ближе. Он подбирается к нам по жилам.

– По жилам? – У Перовой закружилась голова: количество бреда, исторгаемого Ульяной, превышало все допустимые пределы.

– Жилы пройдут по котловине! Опутают ее! Дотянутся до нас! – Ульяна закивала головой, не сводя с Перовой выпученных глаз. – По жилам придет стрекот!

Перова решила, что Ульяна окончательно рехнулась, но внутри вдруг шевельнулось сомнение: что, если под «жилами» отшельница имела в виду волоконно-оптические кабели, которые через несколько месяцев проложат по котловине – как раз недалеко от заимки Сивцовых?

– Стрекот доберется до нас! – возбужденно продолжала Ульяна. – Себя мне не жалко, стрекот все равно меня убьет. Но Зоя... Она еще совсем маленькая. Вы должны ее спасти!

Перова опешила от напора Ульяны: казалось, еще чуть-чуть, и отшельница в исступлении заломит руки и кинется в ноги геодезисту.

– Стрекот не оставит нас в покое! – тараторила Ульяна, и Перова с трудом разбирала ее невнятную речь. – Но я приду-

мала, как его обмануть. Он не знает про Зою! Она родилась здесь, в котловине, когда стрекот нас не слышал. Рано или поздно он доберется до меня, Петра и Миши, но Зою еще можно спасти! Пару дней назад я увидела маленький вертолет. – Ульяна подняла палец вверх, и Перова догадалась, что она имеет в виду квадрокоптер геодезистов. – Он несколько раз летал над лесом. Я поняла, что люди близко.

– Поэтому вы написали призыв о помощи? Чтобы привлечь наше внимание?

– Вы должны увести Зою! – Ульяна, вцепившись холодными руками в ладони Перовой, вперилась в нее взглядом. – Пока стрекот не добрался до нас!

– Ульяна, но почему вы не можете уйти с Зоей сами?

Отшельница сникла и отпустила руки Перовой.

– Петр не даст, – глухо обронила она. – Он хочет провести обряд. Брат считает, что так мы сможем отвратить стрекот. Раньше это помогало.

Дыхание перехватило, и сердце сжалось в ледяной ком. Перова резко поднялась с лавки и пристально посмотрела на отшельницу.

– Что за обряд?

Ульяна перевела взгляд на отрубленные головы у ног мумии, и Перова без слов поняла ее ответ. В голове словно работал отбойный молоток, гремевший одной-единственной мыслью: Сивцовы собираются принести геодезистов в жертву своей матери!

Перова выскочила из дома, не обращая внимания на взволнованный оклик Ульяны. Она стремглав пересекла пуствующую поляну, обогнула избу Сивцовых и влетела в сарай.

– Сергей, быстрее вставай! – бросила она Комарину, который с выражением нестерпимой боли на лице распластался на сундуке. – У нас нет времени, надо срочно уходить!

Комарин приподнялся на локте, удивленно моргая.

– Что случилось? – просипел он.

– Объясню по пути!

Перова кинулась в угол с горой хлама. Покопавшись там, выудила старую швабру и протянула ее Комарину.

– Держи! Вместо костыля!

Она помогла Комарину спуститься с сундука, стараясь не обращать внимания на его болезненные стоны и распухшую голень. Одной рукой он уперся на швабру, а вторую положил на плечо Перовой.

– Нам главное добраться до реки, – прошептала она, потянув Комарина к выходу. – Буров наверняка уже вызвал спасателей.

Когда они вышли из сарая, в глаза Перовой ударил яркий свет, а плечо пронзила острая, раздирающая боль – в него с влажным хрустом вошла стрела. Перова покачнулась, сцепившись взглядом с Мишей, который стоял у кромки леса с луком в руках. Что-то закричал Комарин, но его слова исчезли на периферии сознания: в поле зрения возник Петр и, замахнувшись кулаком, резким ударом в голову вырубил

Перову.

* * *

Тьма отступила, будто с головы сдернули душный мешок. Разлепив веки, сквозь пелену перед глазами Перова увидела перед собой лицо Бурова. На нем плясали янтарные отсветы огня – где-то рядом потрескивал костер.

– Костя... – прошептала она.

Перова лежала на правом боку на стылой земле и не могла пошевелиться – должно быть, мышцы затекли от неподвижности: неизвестно сколько она пробыла без сознания. Левое плечо нестерпимо жгло и ныло, голова пульсировала тупой болью в области лба.

Буров молчал, и Перова снова тихо его позвала. Когда зрение сфокусировалось, она разглядела гримасу чудовищной боли, искажившую лицо старого друга. На его раскрытых в агонии губах запеклась кровь, ее потеки виднелись на бороде. Дыхание перехватило: голова Бурова, лежавшая на боку, заканчивалась пустотой – она была отрублена.

Дрожь сотрясла Перову, слезы брызнули из глаз. Потрясение вернуло тело к жизни, и она смогла немного пошевелиться. Лодыжки и руки, заведенные за спину, были плотно связаны веревками; плечо горело от боли – из него по-прежнему торчала стрела. Ублюдки Сивцовы даже не удосужились ее вынуть и перевязать рану. Впрочем, зачем им это делать, если они все равно собирались убить геодезистов?

Перова осмотрела доступное взгляду пространство, ста-

раясь не останавливаться на голове Бурова, и обнаружила чуть поодаль от себя Комарина: связанный по рукам и ногам, он лежал на земле возле большого костра, вздымавшегося к багровому, словно в потеках крови небу. Закатное солнце скрылось за лесом, и на поляну между избой Сивцовых и домом, где хранилась мумия их матери, падали длинные тени от деревьев.

– Сережа, – шепотом позвала Перова. – Сережа, ты слышишь меня?

Комарин что-то промычал в ответ. В отсветах костра на его лице темнели бурые ушибы и влажно блестели свежие ссадины; кровь струйками сочилась из разбитого носа и расквашенных губ. Похоже, он сопротивлялся до последнего, но Петр и Миша – Перова не сомневалась, что это были они – жестоко его избили. Она закрыла глаза, стараясь сдержать душившие слезы. Чувство вины жгло сердце сильнее, чем застрявшая в плече стрела: необдуманная вылазка в таежную глушь на сомнительный призыв о помощи привела к страшной смерти Бурова, и совсем скоро подобная участь ждала их с Комариным.

– Сережа, все будет хорошо, – дрожащим голосом проговорила Перова, хотя сама не верила в то, что говорит. – Мы выберемся отсюда. Ты только держись.

Сбоку послышалось шуршание ног по траве, а затем перед лицом возник Петр, который присел возле Перовой. Когда он заговорил, женщину обдало сладковатой вонью изо рта.

– Очнулась? Мы как раз начали.

Он выпрямился и, схватив Перову за плечи – она вскрикнула от боли в ране, – поставил ее на колени перед костром. В глазах поплыло, но Перова различила Ульяну и Зою, с отстраненным видом сидевших на лавке за жарким полотном костра. Миша подошел к Комарину и, не обращая внимания на крики боли, потащил геодезиста к колоде с воткнутым в нее топором. Внутри у Перовой все сжалось, и липкий страх окутал тело.

– Пожалуйста, не надо. – Из глотки вырвался жалобный всхлип, но Сивцовы его будто не услышали.

Миша бросил Комарина возле колоды и отступил в сторону, когда подошедший Петр вытащил топор из толстого обрубка бревна с потеками свежей крови – на нем отрубили голову Бурову, туловище которого с двумя стрелами в спине лежало чуть поодаль от костра. Должно быть, Миша убил его в лагере и притащил на поляну для обряда жертвоприношения.

Перова отвела глаза, не в силах смотреть на обезглавленное тело Бурова, – и наткнулась взглядом на мумию Анны Сивцовой. Труп женщины, украшенный дешевыми бусами и венком на голове, восседал на стуле слева от костра, на самом краю поля зрения – вот почему Перова не сразу его заметила.

Миша подобрал с земли отрубленную голову Бурова и возложил ее у ног матери.

– Матушка родимая, нас защити, – хором проговорили Сивцовы, и Перова содрогнулась от жуткого осознания: подобный обряд они проводили уже не раз.

Словно подтверждая ее мысли, заговорил Петр:

– Когда мы перебрались с матушкой в тайгу, первое время все было хорошо. – С топором в руке он подошел к телу Бурова и оттащил его в сторону. – Стрекот не мог нас найти. Матушка родила Мишу. Мы жили в безопасности. Но потом появились люди.

Перова вспомнила отрубленные головы бородатых мужчин. Петр, вернувшись к костру, продолжал:

– Двое охотников. У них была рация. А вместе с рацией пришел стрекот. Он был в ярости, ведь мы его обхитрили. Когда охотники включили рацию, стрекот напал на матушку. Она умерла.

– И в отместку вы убили охотников? – тихо спросила Перова. На нее вдруг навалилось парализующее безразличие: происходящее напоминало чудовищный кошмар, и ей хотелось, чтобы он поскорее закончился.

– Мы принесли их в жертву, – оскалился Петр, будто слова Перовой о мести оскорбили его. – Разбили рацию. И стрекот ушел.

– Но он появился снова! – Ульяна вскочила со скамьи, с вызовом глядя на брата. – Твоего обряда надолго не хватает!

Петр с ухмылкой выдержал взгляд Ульяны, и та, виновато опустив голову, села на место. Зоя, испуганно хлопая глаза-

ми, прижалась к ней. Похоже, девочке не впервые приходилось видеть ссору отца и матери.

– Обряд помогал раньше – поможет и сейчас. – Петр, уставившись на Ульяну, хищно облизнулся: алый язык скользнул по узким губам. – Когда я убил охотников, стрекот оставил нас в покое. Но из-за тебя он снова чуть нас не нашел! Зачем ты написала слово на берегу?!

– Я хотела спасти Зою! – с отчаяньем выкрикнула Ульяна, прижав к себе дочь. – Стрекот все равно до нас доберется, матушка сказала об этом во сне! И твои обряды больше не помогут.

Пока Петр и Ульяна выясняли отношения, Перова судорожно соображала, как выбраться из плена сумасшедших фанатиков. Ее руки и ноги связаны, рана на плече кровоточит – далеко ей не убежать, не говоря уже о том, что она просто не сможет бросить Комарина. Оставалось надеяться, что Буров успел вызвать спасателей из Вышегорска, и сейчас их вертолеты и дроны прочесывают лес. Каждая минута имела значение, поэтому Перова решила как можно дольше тянуть время, заваливая Сивцовых вопросами.

– Кем были другие люди, которых вы принесли в жертву матушке? – спросила она, когда Петр с едва скрываемым раздражением отвернулся от Ульяны.

– Еще двое охотников. – Он посмотрел на Перову, и та содрогнулась от холодной решимости в его глазах: ради своих убеждений он был готов убивать. – И двое зэков. Сбежали

из колонии, бродили по тайге и нашли наш дом. У них не было рации, но они хотели нас убить. Но матушка родимая нас уберегла. В благодарность мы снова провели обряд.

Перова прикрыла глаза. Она хотела указать Петру на примитивность и нелогичность убеждений Сивцовых, но побоялась спровоцировать его гнев. У нее сложилось представление о безумии, охватившем семейство отшельников. Без матери и отца, оторванные от мира, Петр и Ульяна остались с маленьким Мишей на руках в заброшенной деревне. Они научились охотиться и защищать свой дом от диких зверей и непрошенных гостей. Повзрослев, Петр и Ульяна оказались не в силах противиться зову природы, и на свет появилась Зоя. Одинокие, испуганные и растерянные, Сивцовы придумали собственную веру, чтобы хоть как-то объяснить – и оправдать – сумасшествие матери, из-за которого они оказались изолированными от мира. Ее мумия стала их божеством, и как любое божество, она требовала жертвоприношений.

– Почему вы не похоронили матушку? – собравшись с мыслями, спросила Перова.

– Мы были потрясены ее смертью. – Петр окинул взглядом родственников: Ульяна и Зоя, притихнув, сидели на лавке, Миша замер возле лежавшего у колоды Комарина. – Оставили ее тело в доме, а когда заглянули в него спустя несколько недель, то обнаружили матушку целой. Она словно говорила нам, что всегда будет с нами. И защитит нас от стрекота.

– Даже если стрекот существует... – начала Перова, но Петр ее резко оборвал:

– Стрекот существует! – гневно выпалил он. – Не смей сомневаться!

– Хорошо. – Перова покорно закивала, лишь бы не выводить Петра из себя. – Но почему он вас преследует? Почему убил вашу маму?

Петр скривился, словно вопрос Перовой показался ему настолько нелепым, что даже не требовал ответа.

– Потому что матушка раскрыла его секрет, – процедил он.

– Какой секрет?

Петр опасливо глянул на мумию матери, словно прося у нее разрешения открыться Перовой. Наконец он пришел к какому-то заключению и ответил:

– Стрекот – это враждебная форма жизни. Он обитает там. – Петр осторожно указал пальцем на темнеющее небо. – Передвигается среди звезд. Ищет пристанище. И если находит его, то рано или поздно уничтожает все живое.

– Об этом вам рассказала мама?

Петр кивнул:

– Она общалась со стрекотом. Он жил у нас дома – в радио и телефоне. И когда матушка поняла его намерения, то решила о них рассказать. Стрекот рассердился. Он хотел уничтожить всех людей, но матушка могла ему помешать. Поэтому стрекот сначала убил отца и сестру, а потом добрался

до матушки.

Перова выдохнула, собираясь с духом: она больше не могла держать в себе то, что давно хотела сказать.

– Петр, – мягко начала она, – с того момента, как вы сбегали в тайгу, прошло уже двадцать восемь лет. Но мир по-прежнему живет своей жизнью – там, за лесом и за горами. Никакой стрекот его не уничтожил. Человечество не исчезло, и если ему что-то и угрожает, то явно не сигнал из космоса.

Гневная судорога исказила лицо Петра.

– Мы живы благодаря матушке родимой! – выкрикнул он. – Она нас защищает!

Петр схватил Комарина за волосы, рывком кинул его на колоду и, замахнувшись топором, мощным ударом отрубил голову. Все произошло так быстро, что Перова не успела осознать увиденное: мгновение назад перед ней стоял Петр, бубнивший свой бред, – и вот уже возле колоды лежит голова Комарина, а из его шеи хлещет кровь, заливая смятую траву. На лице Комарина застыло удивленно-испуганное выражение, будто он до самого конца не понимал, что случится дальше.

Миша расплылся в довольной улыбке и что-то тихо забормotal. Ульяна замерла на лавке с обреченным видом, словно происходящее подтверждало все ее опасения. Зоя спрятала лицо у груди матери; тело девочки сотрясала мелкая дрожь. Петр с окровавленным топором в руке приблизился к Перо-

вой.

– Ублюдки! – закричала она и повалилась на землю. – Нет никакого стрекота! Вы просто больные ублюдки! Твари!

Перова трепыхалась, дергая руками и ногами в тщетных попытках освободиться от веревок. Из-за резких движений стрела с хрустом переломилась, и плечо взорвалось жгучей болью. Перова крутилась на земле, обезумев от страха, бессилия и ярости, раздиравших ее на части.

– Угомонись, – неожиданно мягко сказал Петр, подойдя к ней ближе. – Твоя смерть защитит нас от стрекота.

– Стрекота нет! – проорала Перова, захлебываясь в слюнях и слезах. – Очнитесь! Больные психи!

Петр, не обращая внимания на истерику Перовой, склонился над ней, намереваясь вцепиться за волосы или плечо, как вдруг замер и удивленно посмотрел на небо. Миша, Ульяна и Зоя последовали его примеру, и Перова, перестав вертеться на земле, подняла взгляд.

Над поляной, тихо жужжа, завис квадрокоптер – он был гораздо больше размером, чем дрон геодезистов, и под его брюхом чернел глазок видеокамеры. Беспилотник, словно заметив прикованное к нему внимание, опустился чуть ниже, и Перова с облегчением поняла, что где-то неподалеку им управляет оператор, который в режиме реального времени видит все то, что происходит на поляне. Значит, помощь совсем близко.

Миша взревел так громко и истошно, что Перова дерну-

лась от неожиданности. Схватившись руками за голову, он повалился на землю и, хрипя, забился в конвульсиях.

– Стрекот! – в ужасе выкрикнул Петр. – Стрекот нас на-шел!

Замахнувшись, он швырнул топор в квадрокоптер – и промазал. Дрон на мгновение взмыл выше, но потом снова опустился, облетая сборище у костра. Похоже, человек, им управлявший, не мог поверить собственным глазам: происходившее на поляне напоминало безумную пляску смерти.

Ульяна, упав на четвереньки, с животными хрипами ползала по земле, сотрясаемая чудовищными конвульсиями. Из ее ушей, носа и рта струйками стекала кровь, а выпученные глаза превратились в два пунцовых шара. Такое же лицо было у Миши: дергаясь в спазмах, он распластался на земле, разбрызгивая во все стороны кровь и слюни. Петр повалился на живот рядом с ним. Его била крупная дрожь, голова моталась в разные стороны, из горла вырывался сдавленный стон. Лишь только Зоя, замерев на лавке, в оцепенении наблюдала за тем, как один за другим умирают ее родственники. На лице девочки читался запредельный ужас, и на мгновение Перова почувствовала к ней жалость.

Ульяна, неловко загребая слабеющими руками, подползла к дочери. Казалось, что глаза отшельницы лопнули: покрасневшие, они сочились кровью, которая стекала по худым щекам; рот пузырился розовой пеной.

– Стрекот... – с трудом, словно горло раздирали осколки

стекла, просипела Ульяна, слепо глядя на дочь. – Теперь он знает тебя. – Повернув голову к Перовой, она шепотом прохрипела, разбрызгивая кровь изо рта: – И тебя.

Всхлипнув в последний раз, Ульяна обмякла рядом с застывшими телами братьев. Дрон опустился ниже, облетая трупы Сивцовых и мумию их матери, безразличную к смерти детей. Потом он на несколько секунд завис над Перовой. Слезы вперемешку с грязью жгли глаза, мешали сфокусировать взгляд, но она знала, что спасатели ее видят. Скоро они будут здесь, и этот чудовищный кошмар закончится. Горько зарыдав, Перова нашла силы, чтобы кивнуть квадрокоптеру головой: я здесь, я жива.

* * *

Спустя три дня, находясь в палате Вышегорской районной больницы, Перова с трудом могла объяснить, что произошло в тот вечер на поляне позади избы Сивцовых: отшельники – все, кроме маленькой Зои – умерли в необъяснимых муках, когда из-за леса появился квадрокоптер спасателей МЧС. Возможно, Сивцовы стали жертвой массового психоза или какого-то заболевания.

Именно так Перова сказала следователю, когда тот пришел побеседовать с ней, как только врачи разрешили посещения. Медики извлекли стрелу из плеча, обработали рану и наложили швы – к счастью, крупные сосуды и нервы не пострадали. Перову обещали выписать через несколько дней, и она не могла дождаться момента, когда улетит в родной Пи-

тер – подальше от забытой Богом котловины, в которой она потеряла Бурова и Комарина. При воспоминании о мертвых друзьях у нее сжалось сердце, а на глаза навернулись слезы, но Перова сдержалась и, стараясь быть последовательной, рассказала следователю обо всем, что произошло. Тот внимательно ее слушал, изредка делая пометки в блокноте.

Когда Перова закончила, то на мгновение задумалась – мог ли вымышленный стрекот стать причиной внезапной смерти отшельников? Если верить записям в дневнике Анны Сивцовой и словам Ульяны, мифический сигнал из космоса, будучи пойманным на Земле, обитал в приборах с электромагнитным излучением. Квадрокоптер, подлетевший к поляне за избой Сивцовых, в режиме реального времени передавал видеосигнал по спутниковой связи, а это значит, что стрекот – если предположить, что он существует – мог таким образом подобраться к отшельникам.

Перова содрогнулась от мысли о том, что сумасшедшие бредни Сивцовых могли оказаться правдой. Она вспомнила скептическую ухмылку следователя, когда передавала ему слова Ульяны и Петра о стрекоте, и устыдилась своих опасений. Сивцовы, Буров и Комарин были мертвы – и ничто теперь не имело значения, кроме одного:

– Как Зоя? – спросила Перова, когда следователь закончил писать в блокнот.

Она знала, что девочку определили в детдом, и собиралась ее повидать перед отъездом в Питер. Перова чувствовала-

ла себя навеки связанной с Зоей общей трагедией: девочка потеряла всех родственников, Перова – близких друзей. Они бы не умерли, если бы не отчаянная попытка Ульяны спасти дочь от несуществующей угрозы.

При упоминании Зои следователь вдруг помрачнел. Захлопнув блокнот, он сухо сказал:

– Она умерла. – Следователь поднялся со стула и, направившись к выходу, уже в дверях пояснил обомлевшей от шока Перовой: – Все эти дни она ни с кем не общалась, не подпускала к себе психологов. Сегодня утром ее нашли в комнате под кроватью. Похоже, она забилась туда от страха. Причина смерти выясняется.

Следователь кивнул на прощание и вышел, оставив Перову в ледяном потрясении от услышанного.

* * *

Уснуть она не могла, поэтому попросила у медсестры снотворное. За окном палаты горели звезды – далекие и равнодушные, они излучали смертельный свет в бескрайнюю черноту.

Мысли о случившемся не выходили у Перовой из головы. Она перевернулась на бок, зацепившись взглядом за старый радиоприемник, висевший на стене. Интересно, работал ли он?

Снотворное, растворяясь в крови, замедляло ход мыслей, превращая их в вязкую патоку. Засыпая, на краю сознания Перова уловила тихий шум – словно то был голос че-

го-то древнего, чужеродного и враждебного, доносившийся из темных глубин космоса.

Она услышала стрекот.

Вечная мерзлота

– Вот поэтому они уходят, – сказал Илко.

Ненец сплюнул и отошел в сторону, давая возможность рассмотреть то, ради чего мы отъехали на два километра от поселка. На земле, поросшей жухлой травой, лежал мертвый олень. Из разорванного брюха вывалились внутренности, шкура цвела глубокими ранами. Я отвел взгляд. Сырая тундра простиралась до горизонта, где смыкалась с рыхлым небом. Ветер гнал тучи. Еще пара дней – и пойдет первый снег.

– Кто это сделал? – спросил я.

Илко посмотрел на меня раскосыми глазами. Задубевшее лицо ненца рассекали морщины.

– Никто не знает, но всякое говорят, – ответил он, скривив щербатый рот.

– Что говорят? – я давно привык к манере Илко изъясняться короткими фразами, но сейчас его немногословность действовала на нервы, и в моем голосе проскользнуло раздражение.

– Уезжать вам надо, доктор, – протянул ненец и зашагал к оленьей упряжке с нартами, давая понять, что разговор окончен, и пора возвращаться в поселок.

* * *

– Уезжать?! – возмутился Гаврилов, когда я передал кол-

легам слова ненца. – Он с дуба рухнул? У нас только четверть населения осмотрена!

Гаврилов был прав. Он расхаживал по кабинету, недовольно качая головой. Как и все хирурги, он не любил, когда что-то шло не по плану, будь то внезапное кровотечение в операционном поле или сорванный график медосмотров.

Грязное окно сочилось серым светом. Пахло пылью, спиртом и лекарствами. Под ногами Гаврилова скрипели затертые половицы. Я расположился за столом, наблюдая за остальными. Фокин покачивался на стуле напротив меня, Зорина и Галина Ивановна сидели на кушетке у стены. Пять человек в кабинете – вот и вся наша мобильная медицинская бригада.

Четыре дня назад мы прилетели в поселок Нюртей для ежегодного осмотра коренного населения. Это была моя шестая вылазка на Ямал. Не могу сказать, что я горел желанием неделю кормить комаров, но эти экспедиции хорошо оплачивались областной администрацией, а деньги сейчас не помешали бы: Алена недавно родила, и мы едва сводили концы с концами. Я с тоской подумал, что еще не скоро увижусь с женой и сыном.

– На моей памяти такое впервые, – сказал Фокин. – Обычно местные с удовольствием идут на осмотры, отбоя нет, а в этот раз их палкой не загонишь. Алексей Петрович, в чем же причина?

Педиатр посмотрел на меня, поглаживая седую бородку.

Самый старший из нас, он ездил в экспедиции на Ямал еще с советских времен и хорошо знал нравы местного населения. Детишки души в нем не чаяли и называли Айболитом – очевидно, за внешнее сходство со сказочным доктором на картинках в книжках.

– Они боятся за свои стада, – ответил я. – Илко рассказал, что за последнюю неделю погибло двадцать голов, и ненцы спешно сворачивают стойбища. Медосмотры – это последнее, что их волнует. Главное – спасти оленей.

– Справедливо, – кивнул Фокин. – Ненцы проживут с гастритом и геморроем, но без оленей они не протянут.

– Я надеюсь, они не от сибирской язвы сдохли? – мрачно ухмыльнулся Гаврилов. – Этого нам еще не хватало.

Галина Ивановна охнула. Медсестра недавно вышла на пенсию, и, как и многие женщины в этом возрасте, была склонна к излишней впечатлительности. Пару лет назад на Ямале произошла вспышка сибирской язвы. Очаг инфекции ликвидировали, но эта история по-прежнему вызывала у нас тревогу.

– Не похоже, —поспешил я успокоить коллег. – Повреждения явно травматические: распоротое брюхо, рваные раны на теле. Это либо хищник орудует, либо местные друг с другом что-то не поделили и отыгрываются на оленях.

– Все это очень увлекательно, но нам что делать? – вмешалась Зорина. Это была первая ее экспедиция на Ямал. Молодой гинеколог, только что после ординатуры, Зорина отли-

чалась большими амбициями и аппетитными изгибами, которые стали объектом особого внимания со стороны Гаврилова.

– Через три дня нас заберет вертолет, – я раскрыл журнал со списком пациентов. – А пока занимаемся тем, для чего мы сюда приехали: осматриваем всех, кто придет на прием.

* * *

На прием никто не пришел. Мы прождали до вечера, слоняясь из кабинета в кабинет, гоняя чай и рассказывая байки из практики. Наш медицинский пункт располагался в одноэтажном здании старой амбулатории. Большую часть времени она стояла законсервированной в ожидании выездной бригады медиков. За неделю до прилета мы связались с Илко и попросили его подготовить здание. Из года в год врачи принимали здесь пациентов, здесь же отдыхали и спали. Так было раньше, так было и в этот раз. За одним исключением: коренным жителям не было никакого дела до медосмотра.

Я вышел на крыльцо. Стемнело: солнце растворилось в облаках, бараки тонули в полумраке. На пороге одного из них сидел Илко и набивал трубку табаком. Вспыхнуло пламя. Ненец затянулся, выпустил дым. Обвел взглядом свое крошечное королевство.

Нюртей пребывал в статусе полузаброшенного поселка. Немногочисленное население покинуло ветхие дома, затерянные посреди тундры. Остался только Илко. Его жена умерла, дети осели на большой земле, и ненец решил, что

смысла кочевать больше нет. Он обустроился в бараке, ходил на охоту и рыбачил, следил за порядком в поселке и пару раз в год встречал экспедиции геологов или бригады врачей.

Я спустился с крыльца и направился к ненцу. Рядом с его бараком располагался загон с четверкой оленей. Животные, свернувшись серыми комками на земле, проводили меня волчьими взглядами.

– Илко, сегодня снова никто не пришел, – начал я. – Ты можешь поговорить со своими?

Ненец неопределенно повел плечом и затаился.

– Они не слушают меня, доктор.

– Тогда отведи меня к ним. Я сам поговорю. Мы же не просто так сюда прилетели. Если им на свое здоровье плевать, пусть подумают хотя бы о детях!

Я старался, чтобы мои слова звучали искренне и убедительно, но, похоже, на Илко они не возымели должного эффекта: ненец прищурился и едва заметно ухмыльнулся. Он прекрасно знал, что врачи приезжали в эту дыру не ради возвышенных идеалов, а за длинным рублем. Если мы провалим план медосмотров, о премии можно забыть.

– Хорошо, доктор, – протянул он. – Завтра я отвезу тебя на стойбище. Но не обещаю, что там кто-нибудь будет. Все уходят.

Я коротко кивнул и, попрощавшись с Илко, вернулся в амбулаторию.

* * *

Шаги на крыше.

Я сел в постели и вслушался. Вместе с Гавриловым и Фокиным мы спали на кушетках в подсобном помещении. Зорина и Галина Ивановна отдыхали в соседней комнате.

Помещение тонуло во мраке. Тихо сопел Гаврилов. Похрапывал Фокин. Я напряг слух... Вот он, звук сверху: топ-топ, топ-топ.

Гаврилов зашевелился. Хирург приподнялся в постели и сонным взглядом уставился на меня.

– Леха, это ты, что ли? – просипел он.

– Кто-то ходит по крыше, – я вылез из постели, натянул джинсы и свитер.

Гаврилов последовал моему примеру. Мы выбрались из подсобки и по темному коридору направились к выходу.

– Постой, – прошептал Гаврилов и скрылся в комнате.

Через мгновение он появился с ружьем в руках. У Гаврилова был охотничий билет, и в каждую экспедицию на Ямал он брал двустволку в надежде подстрелить зайца или утку, но обычно на это не хватало времени, и ружье так и лежало зачехленным.

– Вдруг медведь, – пояснил хирург, поудобнее ухватывая цевье.

– На крыше?! – я не сдержался и прыснул от смеха, но мое веселье тут же оборвалось, когда сверху раздался приглушенный топот.

Мы замерли. Шум повторился. Гаврилов коротко кивнул,

и мы двинулись к двери. Открыв ржавый засов, вышли на улицу. Холодный воздух дунул в лицо. Осторожно ступая по крыльцу, я отошел подальше и задрал голову. В едкой тьме мерцало зеленым: северное сияние. Изумрудные всполохи искажали реальность, придавая всему потусторонний оттенок, словно весь мир оказался за бутылочным стеклом.

Гаврилов встал напротив крыльца и нацелил ружье на крышу. Мы вслушивались и всматривались.

Порывы ветра. Мерцающий свет. И больше ничего.

Сзади дома бухнуло: кто-то спрыгнул с крыши на землю? Мы переглянулись, и, прижимаясь к стене, поспешили к противоположной стороне барака. Гаврилов шел впереди с ружьем на изготовку. Завернув за угол, мы увидели привычную картину: груды металлолома, ржавые бочки, разломанные ящики и прочий хлам.

Я вгляделся во мрак. Между двух заброшенных бараков, расположенных метрах в ста от нас, удалялся человек. Он шел быстро, но как-то неловко – то и дело пошатываясь и прихрамывая. Мне не хватило мгновения, чтобы получше его рассмотреть: тьма поглотила фигуру.

– Ты видел? – прошептал я.

– Может, Илко пьяный шарахается? – предположил Гаврилов, опуская ружье.

* * *

Но Илко не пил и по крышам не лазил. Именно так он сказал утром, когда мы осторожно поинтересовались про ноч-

ной инцидент.

– Если не ты, тогда кто это был? – не унимался Гаврилов. – Местный со стойбища?

– Нга приходил, – бросил Илко, поправляя сбрую на олене.

Мы ежились возле барака ненца. Попыхивая трубкой, Илко готовил к поездке упряжку из четырех оленей. Моросил дождь. Я посмотрел на Фокина, который с задумчивым видом застыл возле нарт. Педиатр разбирался в местном фольклоре, поэтому я ждал от него пояснений, прекрасно понимая, что от Илко я их точно не получу.

– В мифологии ненцев Нга – это одновременно название злого божества и общий термин для страны мертвых, – Фокин забрался в нарты и похлопал по пустующему рядом месту. – Поехали, Алексей Петрович. Хочу к обеду вернуться.

Я кивнул на прощание Зориной и Галине Ивановне, которые наблюдали за нами с крыльца амбулатории, и, оставив Гаврилова за главного, уселся в нарты рядом с Фокиным. С утра я решил, что поеду на стойбище вместе с педиатром. Ненцы уважали бывалого врача, не один год лечившего их детишек. Долгое время он был начальником выездных медицинских бригад, но бумажная волокита и стрессы, связанные с организацией экспедиций, настолько ему надоели под старость лет, что в этот раз бразды правления достались мне – терапевту.

Илко стукнул шестом по оленю-вожаку, и мы тронулись,

оставляя позади Нюртей. Дорога по тундре заняла два часа. Однообразие пейзажа саднило глаза: бурые просторы, поросшие мхом и ягелем, убегали в бесконечную даль и сливались с набрякшими тучами. Мысли стелились за горизонт: я думал о том, как вернусь домой и обниму Алену с сынишкой, почувствую их тепло и увижу улыбки...

Нарты подпрыгнули на кочке. Впереди показалась остроконечная верхушка чума, рядом чернели кривые бревна загона для оленей. Он пустовал – как и все стойбище ненцев: ни души вокруг.

– Где все? – поинтересовался Фокин.

Илко пожал плечами и остановил упряжку. Мы выбрались из нарт и осмотрелись. В предыдущие экспедиции я несколько раз бывал на стойбищах в окрестностях Нюртея и хорошо помнил, что временные поселения ненцев состояли из десятка чумов и пары-тройки загонов, до отказа набитых оленями, рядом с которыми неспешно возились местные. Сейчас же посреди обширного пространства высился лишь один-единственный чум. Поблизости от него еще виднелись круги из слежавшейся травы – участки, где раньше стояли другие чумы.

– Все ушли, – подытожил Илко.

– А зачем оставили чум? – удивился я.

Ненец не нашелся, что ответить: почесал затылок и направился к жилищу из оленьих шкур.

– Хозяин? – позвал Илко, приподняв полог чума. Он

скрылся внутри, и мы с Фокиными, переглянувшись, последовали за ненцем.

Сквозь отверстие наверху падал тусклый свет, которого едва хватало на то, чтобы рассмотреть обстановку. Типичный быт кочевников, я видел его не раз: дощатый пол с разложенными по бокам цветастыми матрасами, печка-буржуйка в центре, раковина рядом, по углам – небольшой столик, баки с водой и ящики. Странность заключалась в том, что по всему помещению были разбросаны одежда, тряпье и посуда – алюминиевые кружки, ложки, кастрюли, – а у наших ног валялся перевернутый на бок чугунный котел. В воздухе застыл тяжелый запах: железистый, резкий, хорошо мне знакомый по прозекторской в районной больнице – запах крови.

Я опустил взгляд: на досках, сквозь которые виднелись земля и чахлая трава, подсыхали алые лужицы.

– Что здесь произошло? – спросил я Илко.

– Оленя варили, – как обычно сухо ответил ненец.

– А где хозяин чума? – вмешался Фокин.

– Его нет, – Илко вышел на улицу, оставив нас в замешательстве.

Фокин еще раз оглядел бардак в помещении, а затем посмотрел на меня. Его глаза, всегда слезившиеся в ветреную погоду, выражали беспокойство.

– Что-то здесь нечисто, Алексей Петрович, – покачал он головой.

– Получается, ненцы собрались всем стойбищем и уехали, оставив один чум? – уточнил я.

– Получается, так, – согласился Фокин. – Но это очень странно. Ненец никогда не будет каслать без своего чума. И гляньте на этот беспорядок: собирались как будто в спешке, все бросили и ушли.

– Может, драка была? – я кивнул на следы крови на полу. Фокин развел руками и поджал губы.

– Местные, когда напьются, могут быть агрессивными, но я не вижу здесь ни одной бутылки водки, – размышлял он вслух.

Я понял, что несколько последних минут едва дышал – настолько плотным и тошнотворным был воздух. Пора уходить.

Мы вышли из чума. Илко, покуривая трубку, дожидался нас возле упряжки. Олени понуро щипали траву. С севера тянуло холодом, а небо стало густым и темным, предвещая первый снег. Я поежился и, поглубже натянув вязаную шапку, направился к нартам.

* * *

Мы вернулись в Нюртей: бараки поскрипывали от порывов ветра, сумрак закрался между ветхих построек. Илко остановил упряжку возле амбулатории. В тот же миг на крыльцо выскочила Зорина, на ходу застегивая куртку.

– Вы не видели Галину Ивановну? – ее голос дрожал от тревоги.

– Нет, а что случилось? – я спрыгнул с нарт.

– Пропала куда-то, – возле соседнего барака показался Гаврилов с ружьем. – Как только вы уехали, она сказала, что пойдет ягоды собирать. И до сих пор не вернулась. Я уже дважды вокруг поселка обошел – нигде ее нет.

– У озера смотрели? – спросил Илко.

Гаврилов отрицательно покачал головой. Озеро располагалось в двух сотнях метров от Нюртея. Илко натаскивал из него воду для своего домика и амбулатории. Путь к водоему лежал через топкие участки тундры, поэтому наша бригада если и ходила к озеру, то лишь для того, чтобы сделать снимки на память. Впрочем, Галина Ивановна уже успела сфотографироваться по приезду, поэтому с трудом представлялось, зачем бы она сегодня потащилась к воде. Но это было единственное место в окрестностях Нюртея, которое не проверил Гаврилов.

Фокин и Зорина остались в амбулатории, а мы втроем направились к озеру. Резиновые сапоги чавкали по влажному мху. Вскоре впереди блеснула стальная вода.

На берегу распласталась Галина Ивановна. Она лежала на спине, раскинув руки, при этом голова женщины почему-то уткнулась лицом в землю: ее крашенные в рыжий цвет волосы контрастировали с бурой землей.

Лишь подойдя ближе, я понял, что было не так: голова, отделенная от туловища, лежала чуть выше шеи, из которой в рванине мышц и сухожилий белел позвонок.

Гаврилов шумно выдохнул. Илко застыл на месте. Я дрожал от озноба: вспомнилось, как Галина Ивановна приводила ко мне на прием мужа и дочь, переживала за их здоровье. Они остались в Салехарде, и Галина Ивановна к ним больше не вернется.

Я присел возле отделенной от туловища головы и осторожно ее перевернул. Лицо женщины превратилось в месиво из разодранной кожи, багрового мяса и налипших травинок. Пустые глазницы сочились кровью.

Что-то изменилось вокруг: стало тише, будто тундра – и без того немногословная – задержала дыхание. Я поднял голову и ощутил холодные касания на коже: падал снег.

* * *

Мы уложили тело на кушетку в смотровом кабинете. Голову, убранную в пакет, разместили рядом – возле шеи. Фокин и Зорина в оцепенении наблюдали за нашими действиями.

– Кто это сделал? – выдавила гинеколог.

– Мы не знаем, но, наверное, медведь или волк, – стараюсь сохранять самообладание, ответил я, хотя прекрасно понимал, как фальшиво и неуверенно прозвучали мои слова. – Какой-то крупный хищник.

Илко хмыкнул и покачал головой. Вчетвером мы уставились на него.

– Ты что-то знаешь? – нахмурился Гаврилов. – Это ночной визитер сделал, да? Кто это был?

Ненец пристально посмотрел на хирурга и тихо сказал:

– Надо уезжать. Я вызову вертолет по радио.

Илко вышел из смотровой: по коридору удалялись его шаги. Гаврилов схватил ружье и выскочил следом.

– Стой! – крикнул он. – Со мной пойдешь!

Когда они ушли, я плюхнулся на стул и потер лицо. Глаза щипало от ртутного света ламп, носоглотку саднил запах крови. Фокин подошел к трупам Галины Ивановны.

– Одежда целая, – сказал он, осматривая тело. – Если это был зверь, он наверняка бы разодрал куртку.

– То есть, это сделал человек? – голос Зориной сорвался. – Но кто на такое способен? Здесь что, маньяк ходит?!

Девушку била крупная дрожь, губы дрожали, лицо побледнело. Еще чуть-чуть, и паника накрыла бы ее с головой.

– Света, собирай вещи, – как можно спокойнее сказал я. – Мы уезжаем. Илко вызовет вертолет со спасателями, они будут здесь через несколько часов.

Зорина обхватила себя руками и, кивая головой, направилась к выходу.

В то же мгновение снаружи раздался истошный вопль. Еще секунда – и прогремели два выстрела.

Мы застыли в испуге. Первым очнулся Фокин:

– Это Илко кричал? – спросил он.

Я подбежал к окну. Вгляделся в сумрак: шел мелкий снег, и за его завесой с трудом просматривались темные бараки на другой стороне улицы. Фокин встал рядом со мной, часто и

шумно дыша.

– Я их не вижу, – прошептал я.

– Что с ними случилось? – дрожащим голосом спросила Зорина.

Я отошел от окна.

– Очевидно, на них кто-то напал, и Гаврилов открыл огонь.

– Крик и выстрелы раздались со стороны домика Илко, – Фокин кивнул на барак через дорогу, чуть правее от нас.

– Пойду проверю, – я надел куртку. – Оставайтесь здесь и ждите нас.

Фокин и Зорина переглянулись.

– А вдруг на вас тоже нападут? – в глазах девушки блеснули слезы.

– Света, и что ты предлагаешь делать? Сидеть здесь? – я раскрыл дверь и вышел в коридор. – А вдруг Гаврилову и Илко нужна помощь? Галину Ивановну мы уже потеряли.

Я покопался в ящиках, расставленных у стены, и вытащил топор: мы кололи им дрова для печки. Теперь он станет моим оружием.

* * *

Стараясь не шуметь, я приоткрыл дверь и выглянул наружу. Лицо мазнуло холодом, а взгляд провалился в серый сумрак. На черную землю падал мелкий снег. К утру Нюртей укроет белым покрывалом.

– Гаврилов! Илко! – шепотом позвал я, не надеясь на от-

вет: мой голос они навряд ли услышат, а кричать я опасался, ведь где-то рядом бродил хищник.

Никто не откликнулся. Поселок казался безлюдным. Сжимая топор, я выскользнул на крыльцо и обернулся: в дверном проеме застыл Фокин. Он напряженно следил за моими действиями, готовый прийти на помощь в случае опасности. Я кивнул коллеге – «все нормально!», – и педиатр закрыл дверь на засов, оставив меня одного в сумраке и неизвестности. Но я сам этого хотел.

Помедлив немного, я стремительным броском пересек улицу. Спрятался за ржавыми бочками у барака. Отдышался – дыхание сбилось не столько из-за короткой пробежки, сколько из-за бурлящего в крови адреналина. В ушах стучало, во рту пересохло, топор оттягивал руку.

Я выглянул из-за бочки: на улице ни души. В окне амбулатории бледнели лица Фокина и Зориной, с тревогой следившие за мной. Почему-то захотелось помахать им, но я сдержался. Досчитав до десяти, я выскочил из укрытия и, пригибаясь, побежал к бараку Илко – до него оставалось не более тридцати метров.

У домика ненца я сбавил темп, присел возле груды старых ящиков, от которых пахло рыбой, и, прислушиваясь к малейшему звуку, высунул голову. На первый взгляд все было спокойно: впереди темнел барак, падал снег, редкими порывами дул ветер. Я вышел из-за горы ящиков и, сжимая топор, подбежал к дому. Кинул взгляд направо, где располагался

загон для оленей, ожидая увидеть рогатых друзей Илко.

Олени валялись на земле. Из распоротых животов, сочившихся темной кровью, валил пар.

Я сглотнул. Нельзя терять время. Хищник где-то рядом, и с каждой минутой Гаврилову и Илко могла грозить все большая опасность. Впрочем, как и мне. Я крепче сжал топор, открыл дверь домика ненца и заглянул внутрь.

Я не спешил заходить: понадобилось время, чтобы глаза привыкли к полумраку. По обе стороны коридора тянулись двери. Когда-то здесь жили семьями коренные жители, решившие отказаться от кочевого образа жизни. Теперь же комнаты стояли заколоченными, и только одну из них занимал Илко: он говорил, что ему хватает. Насколько я помнил, берлога ненца скрывалась за второй дверью справа.

Осторожно ступая, я подошел к разошедшейся двери. Она была приоткрыта.

– Илко? – шепотом позвал я. – Гаврилов?

Никто не ответил, и я, распахнув дверь, зашел внутрь, обхватив топор обеими руками на случай нападения невидимого врага.

Илко лежал в углу, рядом валялись перевернутые стулья и стол. В тусклом свете, проникавшем из окна, на полу блестели темные лужи крови. Пахло порохом и железом. Я подбежал к ненцу и сел рядом. Он тяжело дышал и прижимал руку к плечу. По пальцам текли красные струйки, лоб покрылся испариной.

– Илко, ты как?

Я осторожно убрал руку ненца с плеча. Сквозь разодранную одежду зияла небольшая рана с рваными краями, подтекавшими кровью. Я достал платок и плотно приложил его к плечу Илко.

– Надави рукой и не отпускай, – сказал я. – Что здесь случилось?

– Он напал на меня, когда мы вошли, – прошептал ненец пересохшими губами.

– Кто напал?

– Хет, – выдохнул Илко.

Должно быть, до смерти напуганный, истекающий кровью ненец назвал на родном языке какого-то хищника, но у меня не было времени выпытывать перевод на русский. Куда важнее было другое:

– Где Гаврилов?

– Его нет, – ненец прикрыл глаза. – Хет утащил.

Мне хотелось как следует врезать Илко за его короткие ответы, но я вспомнил о врачебной заповеди: не навреди.

– Вы успели вызвать помощь?

Илко отрицательно качнул головой:

– Гаврилов стрелял. Промазал и попал в рацию.

Ненец кивнул на радиостанцию, лежавшую на полу рядом с опрокинутым столом. Ее корпус разворотило на куски. О вызове экстренной помощи можно забыть: в Нюртее отсутствовало покрытие сотовых операторов, спутниковых теле-

фонов у нас не было, и вся связь с большой землей поддерживалась через старенькую радиостанцию Илко.

Я выпрямился и оглядел пол в поисках двустволки Гаврилова, но не нашел ее. Наверное, хищник уволок хирурга вместе с оружием. Но я кое-что вспомнил.

– Илко, у тебя же было ружье? Где оно?

Ненец указал на шкаф у стены. Я подбежал к нему и, покопавшись среди коробок и разного скарба, вытащил ИЖ-43 – с таким же ружьем я в детстве ходил на охоту с отцом. Я пошарил по полкам и нашел начатую коробку с патронами. Зарядил два ствола, остальные боеприпасы высыпал в карман куртки.

Когда я обернулся, Илко уже стоял на ногах. Он пошатывался, прижимая ладонь к плечу.

– Надо найти Гаврилова и зашить твою рану, – сказал я.

– Нет, – неожиданно твердо ответил Илко. – Надо уезжать. Здесь опасно. Доберемся до грузовика.

Древний «Урал-375» доживал свой век на задворках поселка, и пару раз в год Илко развозил на нем группы геологов, любивших забраться в труднодоступные участки тундры. В остальное время железный монстр служил объектом для фотоснимков на память.

– А на грузовике куда? – я осторожно выглянул в окно, проверяя обстановку снаружи. Сумрак и снег – и больше ничего.

– До Лабитнанги, – Илко проковылял к двери. – Там лю-

ди.

* * *

Мы выбрались из домика и, то и дело озираясь, побежали к амбулатории. Я отдал Илко топор, а сам держал ружье, готовый в любой момент открыть огонь. Заметно стемнело, и ветхие строения поселка, казавшиеся исполинскими черными гробами, тонули в полумраке.

Справа и сверху что-то мелькнуло. Я едва поднял голову, как с крыши барака, мимо которого мы пробежали, взметнулась тень – и приземлилась рядом с нами. Я успел заметить темную шкуру в ключьях меха и косматую голову. Тварь с хрипом набросилась на Илко и вцепилась ему в горло. Ненец вопил и дергался под свирепыми ударами хищника, пытаясь его сбросить. Топор упал рядом, и Илко, шаря рукой по земле, не мог до него дотянуться.

Я выстрелил. Дробь попала в зверя и откинула его назад. Я подбежал к Илко, но в тот же миг тварь взметнулась вверх и приземлилась рядом с нами – прыжок, невозможный для раненого существа! Я нацелил ружье в самый центр черного кома и пальнул. Выстрел отбросил монстра на пару метров, но не остановил: он снова поднялся с земли. Сгорбившись, зверь на четвереньках приближался к нам, свирепо щерясь и хрипя. Я не мог разглядеть его морду: длинные космы на голове ниспадали до самой земли.

Я вдруг осознал, что все это время моя рука нащупывала пульс на запястье Илко – привычка, оставшаяся после рабо-

ты в реанимации. Я опустил взгляд: лицо и шея ненцы были разодраны в клочья. Он не дышал, и пульс я не чувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.